

Вдруг этот белый ангел стремглав бросился вниз, спрыгнув с забора. Она побежала навстречу этой жуткой, вызывающей отвращение тьме.

Та еще не успела прийти в себя, как Линь уже стояла перед ней.

Линь согнулась пополам, тяжело дыша, но вдруг захихикала. Ее длинные волосы рассыпались, легко и опьяняюще красиво развеваясь на ветру.

Она взяла ее за полностью оцепеневшую руку и, встретив ее изумленный взгляд, с улыбкой произнесла: — Я пришла... Ха-ха, теперь тебе от меня не отделаться...

— Ты... почему... — Это было совсем не похоже на нее, обычно холодную и немногословную. Тронута — это чувство она испытала впервые в жизни.

— Эй, ну не надо так растроганно смотреть, мне же неловко. Я просто волновалась за тебя. Боялась, что такую малышку снова кто-нибудь утащит, — подмигнув изящными бровями, сказала Линь.

Она рассмеялась — звонко, заливисто: — И насколько же ты меня старше...

— Ладно, давай бежим скорее, уже скоро рассветет... — Линь крепко сжала ее руку, и они стремительно растворились в темноте...

С того самого дня... их судьбы переплелись навсегда...

Ты наверняка, непременно не знаешь, что в ту ночь я не раз украдкой смотрела на твой бегущий профиль. По твоим идеальным скулам струился пот, в ушах свистел ветер, и мы бежали до самого рассвета, совсем не чувствуя усталости. Мне так хотелось спросить тебя: почему ты пришла? Почему ты бросила жизнь, о которой всегда мечтала, и побежала к такой незнакомой девчонке, как я? Много лет спустя ты сказала, что с первого же взгляда поняла: мы уже встречались раньше. Ты сказала, что не могла бросить меня и позволить пройти через то, что пережила ты сама. Наверное, ты появилась на свет только ради того, чтобы встретить меня; наверное, ты жила лишь потому, что не могла меня отпустить.

Если бы... если бы я знала, что наша встреча станет началом всех последующих слез и боли... что она обернется разлукой и вечным прощанием... жестокой схваткой с судьбой, где мы обе падём вдребезги... Я бы ни за что, ни за что не позволила тебе бежать ко мне, бежать навстречу тому осколочному краху, что ждал нас спустя десять лет...

Полночь 2003 года, написано для улетевшей на небеса Линь

Апрельское небо чисто, словно омытое водой, а огромные клубящиеся облака похожи на воздушные города. В разгар сезона летящего тополиного пуха воздух наполнен дыханием

самых духов природы. Даже самая хрупкая жизнь упорно распахивает глаза, с любопытством оглядывая этот полный чудес мир.

Весна была ее любимым временем года. Ей казалось, что каждое дуновение ветра — самое чистое за весь год, наполненное влагой, ароматом травы и запахом жизни. Всю зиму она куталась в пуховое одеяло, словно впадая в спячку. С потеплением она протерла сонными глазами и вырвалась из кокона. Она так сильно любила бабочек, поэтому навсегда оставляла их запечатанными в коконах. Совсем скоро она и сама закроется в коконе и с нетерпением ждет наступления этого дня. Только эта весна пройдет не в саду семьи Тэнму, а на каком-то безымянном пустыре.

Среди бескрайних зарослей белесого тростника пепельно-серый пух скрывал двух резвящихся детдомовских детей.

С прошлой ночи и до сегодняшнего утра они уже пробежали через четыре деревни...

— Дзюн, скорее посмотри сюда! Лин затыкала голову и тело пушистыми метелками тростника, а затем, забавно вильнув бедром, встряхнулась. Пушинки со всех метелок взмыли в воздух и закружились вокруг нее. Она кружилась в этом облаке летящего пуха, и это было до того красиво, что захватывало дух.

Она громко, почти безумно рассмеялась. Никогда еще она не была так счастлива, никогда еще не смеялась так беззастенчиво и свободно.

Они сорвали охапки тростника, высоко поднимая их над головой, и бегали по полям, распевая песни. Куда бы они ни направились, за ними тянулся шлейф кружащихся в воздухе тростниковых пушинок.

Лин всюду распевала какую-то неуклюжую песню собственного сочинения, и голос ее звучал звонко и мелодично. Она впервые слышала столь прекрасный голос и подумала, что поет та куда лучше домашней учительницы музыки, обучавшей ее в Семье Тэнму.

— Бур-бур-бур...

Лин повернулась к ней и спросила:

— У тебя в животе урчит?

Та кивнула. С вчерашнего полудня она ничего не ела, а после стольких часов беготни выбилась из сил и страшно проголодалась.

Лин опустила голову, задумалась, затем согнулась в три погибели и принялась раздвигать тростник, будто выискивая что-то.

Она только хотела о чем-то спросить, как Лин выдернула из земли толстую травинку и ловко ободрала с нее кожицу, обнажая белоснежный пушистый стебелек.

— Открой рот! — велела Лин.

— Чего? — та изумилась. Неужели она собирается накормить ее травой?

— Открой же, это очень вкусно!

Ей пришлось подчиниться. Она нахмурилась, словно Лин собиралась подсунуть ей яд. Никогда в жизни она еще не была такой послушной.

Но тут она почувствовала, как во рту разливается нежный сладковатый привкус. Она пожевала — стало еще слаще.

— Ну как, вкусно?

Она кивнула.

— Похоже, ты и правда избалованная барышня. Неужели никогда не пробовала даже корни тростника?

Она покачала головой.

— А что вы обычно едите?

Она задумалась и принялась перечислять:

— Торты, молоко, яйца, печенье, пельмени, сладости, пудинг, мороженое... И еще...

У Лин аж слюнки потекли. Она с трудом сглотнула и произнесла:

— Ого... Звучит аппетитно, но я ничего из этого сроду не пробовала...

— А ты помнишь, где твой дом? — спросила Лин. Она надеялась, что если поможет той отыскать дом, та обязательно угостит ее всеми этими вкусностями.

— В большом особняке, — ровно ответила та, и в ее голосе не прозвучало ни единой эмоции.

— В каком именно особняке?

Она покачала головой. Внезапно до нее дошло, что она понятия не имеет, где находится. Она не знала, в каком месте жила все это время. Там осталось все ее прошлое и воспоминания, но она не имела ни малейшего представления, как их отыскать. В глубине души шевельнулся липкий страх — словно потерявший память человек, который никак не может отыскать следы собственного прошлого. Но она тут же улыбнулась. Сама у себя спросила: неужели там осталось хоть что-то, чем стоило бы дорожить? Есть ли вообще смысл знать или не знать?

Единственный человек в этом мире, кто любил ее без всяких условий, больше не существовал, и там не осталось ничего принадлежащего ей. Пожалуй, во всем мире, кроме нее самой, не было ни единой вещи, которая бы ей принадлежала.

— Бур-бур-бур... — В животе снова заурчало, возвращая ее из глубин размышлений в реальность.

— Сунь, поищи пока здесь, нет ли таких корешков, а чуть позже мы устроим настоящий пир! — Лин лукаво подмигнула и загадочно улыбнулась.

<http://bllate.org/book/20764/2083558>